

*Посвящается
всем моим друзьям в НВУ*

За исключением исторических фигур,
все персонажи в этом романе вымышленные,
и любое сходство с реальными людьми,
живущими ныне или жившими в прошлом, случайно.

Самой невыносимой мукой ада будет потеря Бога.

Кальдерон де ла Барка

Пролог

БОЛЬШОЙ ПАРАД

1865 года

...пустословят они: «Мир, мир!», но нет мира!

Иеремия 6: 14, 8: 11

Дождь заливал Вашингтон всю ночь. Незадолго до рассвета вторника, двадцать третьего мая, Джордж Хазард проснулся в своем номере в отеле «Уиллард» и, положив руку на теплое плечо жены, прислушался.

Дождь перестал.

Это было хорошим знаком для предстоящего праздничного дня. Утром начиналась новая эра — эра мира и вновь обретенного Союза.

Но почему же тогда его терзает чувство грозящей беды?

Джордж выскользнул из постели и осторожно прошел через комнату к двери; фланелевая ночная рубаша закручивалась вокруг волосатых лодыжек. Коренастый и широкоплечий, он еще в Вест-Пойнте получил прозвище Пенёк за невысокий рост и крепкое телосложение. Ему уже исполнился сорок один год, и все больше седины поблескивало в его темных волосах и аккуратной бородке, которую он нарочно не сбрасывал, чтобы показать свою причастность к армии, хотя и в прошлом.

Накануне он слишком устал, чтобы прибираться, поэтому сейчас стал собирать разбросанные на полу гостиной газеты и журналы, стараясь делать это как можно тише. В двух других спальнях еще спали дети. Уильяму Хазарду Третьему в январе минуло шестнадцать. Патриции в конце года исполнялось столько же. Младший брат Джорджа Билли и его жена Бретт занимали четвертую спальню. Билли должен был участвовать в сегодняшнем параде, но получил разрешение провести ночь вне лагеря инженерного батальона в форте Берри.

Газеты и журналы как будто насмехались над его дурными предчувствиями. «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон стар», «Трибь-

юн» и один из недавних номеров «Журнала армии и флота» — все держались на одной и той же победоносной ноте. Пока он соорудил аккуратную стопку на столике у стены, перед его глазами одна за другой мелькали бравурные фразы:

Хотя наша великая война закончилась всего несколько дней назад, мы уже начали расформировывать огромную армию Союза...

Они сокрушили бунтовщиков, спасли Союз и выиграли для себя и для нас страну, которая...

Военное министерство приказало отпечатать шестьсот тысяч бланков увольнительных на пергаментной бумаге...

Наша уверенная в себе республика распускает армию, отправляет по домам преданных солдат, закрывает тренировочные лагеря, прекращает контракты на поставки и готовится перейти с мрачной тропы войны на широкую и сияющую дорогу мира...

В ближайшие два дня в городе ожидалось масштабное празднование — большой парад Потомакской армии генерала Гранта и Западной армии Билли Шермана, прославившейся своей жестокой тактикой выжженной земли. Люди Гранта должны были маршировать сегодня, суровые ребята Шермана — завтра. Парни с Запада презрительно называли солдат Гранта чистюлями и «белыми воротничками». Возможно, сами они собирались вывести на парад коров и коз, а также мулов и бойцовых петухов, которых держали в своих лагерях на Потомаке.

Не все из тех, кто сражался в этой войне, могли принять участие в параде. Многие навеки остались лежать вдали от любимых, в неизвестной могиле, как дорогой друг Джорджа Орри. Они познакомились еще в Вест-Пойнте, куда оба поступили в 1842 году. Потом вместе воевали в Мексике и сохранили свою дружбу даже после того, как был сдан форт Самтер и верность родным штатам развела их по разные стороны фронта. Орри встретил свою смерть в Питерсберге, перед самым концом войны, и не в сражении, а от нелепой, бессмысленной мстительной пули раненого северянина, которому он пытался помочь.

Одни молодые люди, постаревшие за эти четыре года, до сих пор брели по дорогам Юга, возвращаясь домой, на свою обнищавшую, сожженную и разоренную батальонами завоевателей землю. Другие ехали в поездах, шедших на Север, чтобы долго еще залечивать физические и душевные раны после пребывания в тюрь-

мах бунтовщиков. Кто-то из конфедератов подался в Мексику, в армию египетского хедива, или на Запад, пытаясь забыть о невидимых страданиях, которые они несли в своих сердцах.

Кузен Орри Чарльз избрал именно третий путь.

Кто-то вышел из этой войны с позором, и главным среди них был Джефф Дэвис, арестованный где-то под Ирвинвиллом, в Джорджии. Многие северные газеты написали, что он пытался сбежать, надев женское платье. Какой бы ни была правда, на Севере нашлись те, кто считал тюрьму слишком мягким наказанием для бывшего президента Конфедерации и требовал его повесить.

Джордж зажег одну из своих дорогих кубинских сигар и подошел к окнам, выходящим на Пенсильвания-авеню. Из номера можно было прекрасно наблюдать за парадом, но он получил специальные приглашения на зрительскую трибуну, расположенную прямо напротив президентской. Стараясь не шуметь, он осторожно поднял окно.

Небо очистилось. Джордж наклонился, выпуская наружу сигарный дым, и увидел плакаты с патриотическими лозунгами, висевшие на фасадах трех- и четырехэтажных домов на противоположной стороне улицы. Повсюду траурный креп после убийства Линкольна наконец-то сменился чем-то более ярким.

Алая полоса света над Потомаком обозначила горизонт. Улицу уже начали заполнять кареты и экипажи, всадники и пешеходы. Джордж увидел чернокожую семью — родителей с пятью детьми, — которые быстро шагали по слякотной улице в сторону Президентского парка. Им было что праздновать и кроме окончания войны. Они получили Тринадцатую поправку, навсегда отменившую рабство; штатам осталось лишь ратифицировать ее.

Но почему же несмотря на то, что дождь прекратился и небо быстро прояснялось, несмотря на пестревшие повсюду красно-бело-синие флаги, Джорджа продолжали мучить дурные предчувствия?

Вероятно, причина крылась в его тревоге за Мэйнов и Хазардов, решил он. Эта война безжалостно прошла по судьбам обеих семей. Его сестра Вирджилия сама порвала все связи с родными, предпочтя им свои экстремистские взгляды. Особенно грустно это было сознавать еще и потому, что жила она сейчас тоже в Вашингтоне, но Джордж понятия не имел, где именно.

А еще его старший брат Стэнли, который благодаря войне неожиданно для самого себя сколотил огромное состояние, но,

несмотря на такой успех, а может, даже благодаря ему превратился в горького пьяницу.

У Мэйнов дела обстояли не лучше. Эштон, сестра Орри, пропала где-то на Западе, после того как оказалась замешанной в неудачный заговор с целью свержения правительства Дэвиса самыми крайними мерами. Брат Орри Купер, работавший в Ливерпуле на военно-морское министерство Конфедерации, потерял единственного сына Джуду, когда корабль, на котором они возвращались домой, был потоплен блокадной эскадрой северян у форта Фишер.

И конечно же, он не мог не тревожиться за Мадлен, вдову своего любимого друга. Ей предстояло заново налаживать жизнь на сожженной плантации у берегов Эшли, рядом с Чарльстоном. Джордж дал ей аккредитив на сорок тысяч долларов, выписанный на банк в Лихай-Стейшн, в котором был главным совладельцем. Он ждал, что она попросит еще, ведь первоначальная сумма наверняка ушла на выкуп двух закладных и уплату федеральных налогов, а также на то, чтобы не допустить возможной конфискации собственности агентами министерства финансов, которые уже наводнили Юг. Но Мадлен ничего не просила, и это беспокоило Джорджа.

Даже в такой ранний час карет и всадников на улице было уже очень много. Наступавший знаменательный день, если верить небу и легкому ветерку, обещал быть погожим. Тогда почему же он никак не мог избавиться от чувства предстоящей беды?

Хазарды быстро позавтракали. Бретт выглядела особенно счастливой и взволнованной, с легкой завистью заметил Джордж. Через несколько недель Билли собирался подать в отставку, после чего молодая пара намеревалась отправиться морем в Сан-Франциско. Они никогда не видели Калифорнию, но рассказы о ее климате и возможностях привлекали их. Билли мечтал открыть собственную строительную фирму. Как и его друг Чарльз Мэйн, с которым они познакомились в Вест-Пойнте, воодушевленные примером Джорджа и Орри, он хотел оказаться подальше от выжженных полей, где американцы убивали американцев.

Супругам нужно было уехать поскорее. Бретт носила их первого ребенка. Об этом Билли по секрету сообщил Джорджу; правила приличия требовали, чтобы о беременности не заговаривали

публично, в том числе среди членов семьи. Даже когда приближался срок родов и не заметить живот женщины было уже невозможно, все делали вид, что ничего не происходит. Если появлялся второй ребенок, родители часто говорили первенцу, что малыша принес доктор в большой бутылки. Джордж и Констанция обычно соблюдали большинство светских условностей, даже самых глупых, но историю о бутылки своим детям уж точно никогда не рассказывали.

Примерно в четверть девятого семья заняла места на зрительской трибуне, рядом с репортерами, конгрессменами, членами Верховного суда, старшими офицерами армии и флота. Слева от них Пенсильвания-авеню огибала здание министерства финансов, стоявшее на углу с Пятнадцатой улицей, откуда вел длинный подъем к Капитолию.

В двух кварталах справа от них, за специальными ограждениями, толпились люди, другие высывались из окон домов, сидели на крышах и ветках деревьев. Напротив зрительской трибуны стоял крытый павильон для команды президента Джонсона, где среди прочих должны были появиться генералы Грант и Шеридан, а также наниматель Стэнли Хазарда военный министр Стэнтон. На фасаде павильона, под крышей, украшенной гирляндами из цветов и вечнозеленых веток, висели плакаты с названиями побед северян: АТЛАНТА и ЭНТИТЕМ, ГЕТТИСБЕРГ и СПОТСИЛЬВЕЙНИ и все остальные.

Без четверти девять президент все еще не прибыл. Новый хозяин Белого дома в эти дни был героем множества слухов и сплетен. Все только и говорили о том, что он начисто лишен чувства такта, что он много пьет и что у него низкое происхождение. Последнее, впрочем, было чистой правдой.

Отец будущего президента служил конюхом при гостинице, а после швейцаром в банке в Северной Каролине. Сам же Джонсон — сначала портной, потом сенатор — был самоучкой, однако не обладал способностями, которые помогли Линкольну обратить его крестьянское происхождение к личной выгоде. Джордж встречался с Джонсоном. Президент показался ему резким, самоуверенным человеком с почти религиозным благоговением перед Конституцией. Одно это уже вызывало его разногласия с радикальными республиканцами, которые хотели расширить толкование основного закона, чтобы он соответствовал их взглядам на общество.

Джордж соглашался со многими требованиями радикалов, включая равные права, а также право избирать и быть избранным для мужчин обеих рас. Однако часто он находил идеи и тактику радикалов отвратительными. Многие из них не скрывали, что хотят использовать голоса чернокожих избирателей для того, чтобы их партия стала лидирующей и традиционное превосходство демократов в стране наконец закончилось. Кроме того, радикалы постоянно проявляли враждебность по отношению к побежденной стороне и вообще ко всем, кого они считали своими идеологическими противниками.

Президент и радикалы находились в состоянии все усиливавшейся борьбы за контроль над восстановлением Союза. Это противостояние не было чем-то новым. В 1862 году Линкольн уже предлагал свой «луизианский план», согласно которому любой отделившийся штат получал право заново войти в Союз и создать просоюзное правительство, если присягу на верность принесут десять процентов его избирателей от общего числа принимавших участие в выборах 1860 года.

В июле 1864 года радикальные республиканцы предложили законопроект, написанный сенатором от Огайо Беном Уэйдом и представителем Мэриленда Генри Дэвисом. Этот закон предлагал более жесткий план реконструкции, включавший военное управление в побежденной Конфедерации. Контроль за реконструкцией возлагался на конгресс. В начале 1865 года штат Теннесси выполнил все условия плана Линкольна и сформировал новое правительство во главе с юнионистом Браунлоу, однако конгресс отказался принять в свой состав его представителей.

Эндрю Джонсон обвинил Джефферсона Дэвиса в том, что именно его поведение подтолкнуло преступников к совершению убийства в театре Форда. Сам он очень резко высказывался в отношении Юга, но в то же время настаивал на том, что будет следовать умеренной программе Линкольна. Не так давно Джордж услышал, что президент хочет реализовать эту программу с помощью ряда указов уже в течение лета и осени. Поскольку конгресс приостановил свою работу до конца года, а внеочередное заседание Джонсон созывать явно не собирался, планы радикалов могли быть сорваны.

Теперь, судя по всему, следовало ждать ответных мер от радикалов. Одной из целей приезда Джорджа в Вашингтон было

встретиться с влиятельным политиком из Пенсильвании, чтобы изложить ему свой взгляд на сложившуюся ситуацию. Он считал, что имеет на это право благодаря внушительным суммам, которые он ежегодно жертвовал этой партии. Возможно, от разговора даже будет польза.

— Папа, там тетя Изабель! — воскликнула за его спиной Патриция.

Джордж увидел, что жена Стэнли машет им с президентской трибуны.

— Она хочет убедиться, что мы ее заметили, — поморщился он и помахал в ответ.

Бретт улыбнулась. Констанция легонько похлопала его по руке:

— Да ладно тебе, Джордж, не язви. Ты же сам не захотел бы поменяться со Стэнли местами.

Пожав плечами, Джордж снова стал рассматривать толпу на их стороне улицы, пытаясь увидеть того конгрессмена из своего штата, с которым хотел поговорить. Констанция тем временем сунула руку в ридикюль и достала оттуда карамельку. Ее ярко-рыжие кудрявые волосы, выбиваясь из-под модной соломенной шляпки, сверкали на солнце. Она по-прежнему не утратила своей милостливой ирландской бледности, хотя и поправилась на тридцать фунтов с тех пор, как вышла замуж, еще после окончания Мексиканской войны. Джордж уверял, что ее полнота его ничуть не смущает, а, напротив, говорит лишь о жизненном благополучии.

Ровно в девять за Капитолием выстрелила пушка. Через несколько минут вдали послышались звуки духового оркестра, игравшего «When Johnny Comes Marching Home», а потом — радостные крики пока невидимых участников парада. Наконец первые марширующие обогнули здание министерства финансов, и все зрители встрепнулись, хлопая в ладоши и крича «ура!».

Во главе парада ехал генерал Джордж Мид, который под гром оваций приближался к президентскому павильону. Мальчишки, облепившие соседние деревья, так размахивали руками и тянулись вперед, что едва не падали с веток. Мид торжественно отсалютовал первым лицам страны саблей — ни Грант, ни Джонсон еще не появились, — потом спрыгнул с коня, передал поводья какому-то капралу и тоже занял место на трибуне.

Женщины восторженно кричали, многие мужчины не скрывали слез, девочки из школьного хора пели и бросали на дорогу букетики цветов. Над алебастровым куполом Капитолия вспыхнуло белое солнце, когда на улице показался Третий дивизион генерала Уэсли Меррита. Его непосредственный командир, Малыш Фил Шеридан, уже направлялся к месту своей новой службы на берегах Мексиканского залива. При появлении Третьего дивизиона даже Уильям, который до этого наблюдал почти за всем происходящим с юношеским высокомерием, подпрыгнул на месте и восхищенно засвистел.

Бравые кавалеристы Шеридана, со сверкающими на солнце саблями, ехали по улице стройными колоннами, по шестнадцать всадников в ряд. Аккуратно подстриженные, как будто только что от цирюльника, они казались бодрыми и свежими, на их лицах почти не было следов усталости от тяжелых боев. У многих в дула карабинов были воткнуты маленькие букетики фиалок.

Каждый ряд салютовал президенту, наконец-то появившемуся на трибуне вместе с генералом Грантом; вид у Джонсона был слегка виноватый. Джордж услышал, как какая-то женщина за его спиной предположила, а не пьян ли уже президент с самого утра.

В воздух вздымались облака пыли. Запах конского пота становился все сильнее. Потом Джордж услышал, как на Пятнадцатой улице скандируют:

— Кастер! Кастер! Кастер!

И вот он выехал на авеню на своем великолепном гнедом жеребце Дон Жуане — кудрявые светлые с рыжеватым отливом волосы до плеч, раскрасневшееся лицо, алый шейный платок, золотые шпоры, широкополая шляпа, которую он специально снял, чтобы толпа узнала его. Мальчик-Генерал — так его называли. Мало кому из офицеров Союза удалось привлечь такое внимание публики и прессы. Джордж Армстронг Кастер окончил Вест-Пойнт последним в своем выпуске, но уже в двадцать три года стал бригадным генералом, а в двадцать четыре — генерал-майором. Под ним застрелили двенадцать лошадей. Он был бесстрашен или безрассуден — смотря как к этому относиться. Говорили, что Кастер подумывает стать президентом, если Улисс Грант выставит свою кандидатуру на следующих выборах. Что ж, если это желание останется и если знаменитая удача его не покинет,

а народ не забудет своего кумира, возможно, он и добьется того, чего хочет.

Мальчик-Генерал вел своих кавалеристов с красными шарфами под веселую ирландскую мелодию «Garry Owen», которую играл полковой оркестр. Хор девочек-школьниц подхватил песню. На мостовую снова посыпались цветы. Перед президентской трибуной Кастер резко вытянул руку и поймал один букетик. Это неожиданное движение испугало гнедого, и тот метнулся в сторону.

Джордж успел заметить, как исказилось бешенством лицо Кастера, когда Дон Жуан повернул к Семнадцатой улице. После того как генерал совладал с конем, он уже не мог вернуться обратно в огромной толпе людей и лошадей, чтобы приветствовать Джонсона, поэтому в ярости поехал дальше.

Да, этим утром удача отвернулась от Кастера, подумал Джордж, раскуривая сигару. Дорога честолюбия не всегда гладкая. Слава Богу, сам он не рвался к высоким постам!

Судя по отпечатанной программе парада, прохождение инженерных частей ожидалось не очень скоро, и Джордж решил за это время еще раз попробовать разыскать политика, которого не смог найти в толпе.

На этот раз попытка оказалось более удачной – он нашел конгрессмена разглагольствующим под деревьями за зрительской трибуной. Таддеус Стивенс, республиканец из Ланкастера и, возможно, главный радикал, и в свои семьдесят по-прежнему не утратил былой ауры грубоватой притягательной силы, которая от него исходила. Ни изуродованная ступня, ни жуткий парик, совершенно не похожий на настоящие волосы, не уменьшали этого впечатления. Он не носил ни бороды, ни усов, не пряча за ними суровые черты лица.

Когда Стивенс закончил разговор и двое внимавших ему обожателей, коснувшись полей шляп, отошли в сторону, Джордж шагнул вперед, протягивая руку:

- Здравствуйте, Тад.
- Джордж! Рад вас видеть. Слышал, вы сняли мундир.
- И вернулся в Лихай-Стейшн заниматься заводом. Есть минутка? Мне бы хотелось поговорить с вами как республиканец с республиканцем.

— Конечно, — кивнул Стивенс.

Его темно-голубые глаза словно прикрылись шторкой. Джордж уже видел такой взгляд у некоторых политиков, когда их что-то настораживало.

— Я просто хотел высказаться в защиту программы мистера Джонсона.

Стивенс поджал губы:

— Понимаю причины вашей озабоченности. У вас ведь друзья в Каролине.

Да уж, этот человек умел обезоружить любого своей прямоотой. Джорджу хотелось в этот момент быть дюймов на пять выше ростом, чтобы не приходилось смотреть снизу вверх.

— Вы правы. Это семья моего лучшего друга; сам он войну не пережил. Я обязан высказаться в защиту его родных, так как не считаю их аристократами. Или преступниками...

— Они и то и другое, если держали черных в рабстве.

— Тад, прошу вас, дайте мне договорить.

— Да, разумеется. — Стивенс уже не казался дружелюбным.

— Несколько лет назад я верил, что войну без всякой на то необходимости спровоцировали слишком рьяные политики с обеих сторон. Год за годом я думал об этом и в конце концов решил, что ошибался. Какой бы ужасной ни была эта война, в ней действительно назрела необходимость. Постепенное мирное освобождение наверняка потерпело бы крах. Те, кто был напрямую заинтересован в рабстве, ни за что не позволили бы его отменить.

— Совершенно верно. При их одобрении и содействии корабли работорговцев продолжали возить цветных с Кубы и из Вест-Индии еще долгое время после того, как в тысяча восемьсот седьмом году конгресс объявил эту торговлю незаконной.

— Меня больше интересует настоящее. Война закончилась, и второй нельзя допустить. Цена жизни и собственности слишком высока. Война подавляет любые попытки достичь материального благополучия.

— Ах вот вы о чем, — откликнулся Стивенс с ледяной улыбкой. — Новое кредо деловых людей. Я отлично осведомлен об этом течении экономического пацифизма на Севере, но не желаю иметь с ним ничего общего.

— Отчего же? — вспыхнул Джордж. — Разве ваше положение не предполагает, что вы должны представлять интересы своих избирателей-республиканцев?

— Представлять — да, но не подчиняться им. Я слушаю только собственную совесть. — Он положил руку на плечо Джорджа и посмотрел на него сверху вниз, наклонив голову, и даже этот, казалось бы, простой жест странным образом выглядел снисходительным. — Мне не хочется выглядеть грубым, Джордж. Я знаю обо всех ваших щедрых пожертвованиях на нужды партии как в своем штате, так и в национальном масштабе. Знаю обо всех ваших военных заслугах. Но к сожалению, это не может изменить моего отношения к рабовладельцам Юга. Все, кто принадлежит к этому классу и поддерживает его, для меня навсегда останутся предателями нашей страны. И теперь они будут жить не в самостоятельных штатах, а на завоеванных территориях. Они заслужили самое суровое наказание.

В его холодных глазах под нависшими бровями Джордж увидел огонь истинной веры и священной войны.

Находились скептики, которые усматривали причину такого фанатизма в низменных причинах и связывали ожесточенную борьбу Стивенса за права негров с его экономкой в Ланкастере и Вашингтоне, некоей миссис Лидией Смит, привлекательной вдовушкой, к тому же мулаткой, а его ненависть ко всему южному — с заводом в Чемберсберге, сожженным солдатами Джубала Эрли. Сам Джордж не особо верил в такие объяснения, считая Стивенса честным идеалистом, хотя и склонным к крайностям. Поэтому его ничуть не удивляло то, что Стивенс и его сестра Вирджилия Хазард были близкими друзьями.

И все-таки конгрессмен, безусловно, представлял мнение всех республиканцев.

— Я думал, — снова заговорил Джордж довольно резким тоном, — за реконструкцию Юга отвечает исполнительная власть.

— Нет, сэр. Это прерогатива конгресса. Мистер Джонсон совершил большую глупость, заявив о своем намерении издать ряд постановлений. Тем самым он разжег серьезную вражду между моими коллегами, но, уверяю вас, мы исправим эту ошибку, когда возобновятся заседания. Конгресс не допустит узурпации его прав. — Стивенс постучал по земле металлическим наконечником трости. — Я этого не допущу.

— Но Джонсон делает лишь то, что Авраам Линкольн...

— Мистер Линкольн мертв, — перебил его Стивенс.

— Хорошо, пусть так, — уже багровея от злости, сказал Джордж. — А какую программу предлагаете вы?

— Полная реорганизация всех южных институтов власти и прежних устоев средствами военного контроля, конфискации и очищающего огня закона. Такая программа может испугать слабые умы и расшатать слабые нервы, но она справедлива и совершенно необходима. — (Джордж побагровел еще больше.) — Если точнее, то я хочу жестокого наказания для предателей, занимавших высокие посты. Мне недостаточно того, что Джеффа Дэвиса просто держат в кандалах в форте Монро. Я хочу, чтобы его казнили. Хочу, чтобы каждому, кто покинул нашу армию или флот и перешел на службу к бунтовщикам, было отказано в амнистии. — (Джордж с ужасом подумал о Чарльзе.) — И я настаиваю на равных гражданских правах для всех чернокожих. Я требую права голоса для каждого совершеннолетнего чернокожего мужчины.

— За такое вас закидают камнями даже в Пенсильвании. Белые люди просто не считают черных равными себе. Может, это и неправильно, и лично я так не думаю, но реальность именно такова. Ваша схема не работает.

— Справедливость не сработает, Джордж? Равенство не сработает? Мне плевать! Это мои убеждения, и я буду за них бороться. В вопросах моральных принципов не может быть компромисса.

— Черт побери, я отказываюсь это принимать! И огромное число других северян чувствуют то же самое насчет...

Но конгрессмен, не дослушав его, развернулся и ушел, чтобы поговорить с тремя новыми почитателями.

Батальон Инженерного корпуса Потомакской армии повернул на Пенсильвания-авеню, к президентской трибуне. Бойцы восьми рот чеканили шаг по мостовой, все в новенькой аккуратной форме, заменившей грязные обноски, в которых они ходили последние дни Виргинской кампании. У половины к поясам были прицеплены короткие лопатки как символ их опасной службы, когда приходилось наводить мосты и ремонтировать дороги зачастую под вражеским огнем, когда просто не хватало времени отойти и укрыться.

Вместе со всеми под жарким солнцем шел Билли Хазард, с аккуратной бородкой, гордый и энергичный; рана в груди уже почти зажила. Он посмотрел на трибуну, где должны были сидеть его родные, и сразу увидел милое лицо жены, радостно махавшей ему

рукой. Потом заметил брата и чуть не сбился с шага. Джордж выглядел рассеянным и мрачным.

Духовой оркестр заиграл снова; инженеры прошли мимо специальных трибун под дождем из цветов.

Констанцию тоже встревожило настроение мужа, и, когда Билли прошел мимо, она спросила Джорджа, что случилось.

— Да ничего не случилось, — ответил он, — просто я наконец нашел Тада Стивенса, вот и все.

— Нет, не все. Я же вижу. Рассказывай.

Джордж посмотрел на жену, вновь тяготясь тем же предчувствием скорой беды, которое по-прежнему терзало его. Оно не касалось напрямую Стивенса, хотя конгрессмен, безусловно, был частью общей картины.

Подобное чувство появилось у Джорджа в апреле 1861 года, когда он смотрел, как сгорает дотла один из домов в Лихай-Стейшн. Глядя на пламя пожара, он представлял себе охваченную огнем страну и со страхом думал о будущем. Страхи оказались не напрасными. Орри погиб, Мэйны потеряли свой прекрасный дом на плантации Монт-Роял; война унесла сотни тысяч жизней, разрушила семейные узы. Нынешняя тревога очень напоминала ту, давнюю.

— Я просто высказал свое мнение, — сказал он, пожав плечами и стараясь говорить как можно беспечнее, чтобы не напугать Констанцию, — а он довольно жестко поставил меня на место. Хочет, чтобы контроль за реконструкцией Юга осуществлял конгресс, а еще жаждет крови южан. — Джордж все-таки не смог сдержать эмоций, как ни пытался. — Стивенс хочет начать войну с мистером Джонсоном, чтобы добиться своего. А я думаю, что пришла пора восстанавливать страну. Видит Бог, наши семьи достаточно пострадали, и крови пролито слишком много. Кровь Орри в том числе.

Констанция вздохнула, ища слова, чтобы хоть немного смягчить горечь мужа.

— Милый, — наконец сказала она с вымученной улыбкой на полном лице, — это ведь просто политика...

— Нет, все гораздо сложнее. Мне казалось, мы празднуем окончание войны, но Стивенс просветил меня: война только начинается.

И он не знал, смогут ли две семьи, уже измученные четырьмя годами одной войны, пережить другую.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО

Мы все согласны с тем, что так называемые отделившиеся штаты фактически вышли из надлежащих отношений с Союзом и что единственная задача властей, гражданских и военных, касательно этих штатов — вернуть их к надлежащим отношениям. Я уверен, что это не только возможно, но и довольно просто сделать, если даже не задумываться над тем, существовали ли они когда-нибудь за его пределами. Когда они благополучно вернутся домой, будет совершенно не важно, уходили они или нет.

*Из последнего публичного выступления Авраама Линкольна
с балкона Белого дома, 11 апреля 1865 года*

Стереть с лица земли предателей. Растереть их в пыль!

*Таддеус Стивенс, конгрессмен,
после убийства Линкольна, 1865 год*

Глава 1

Вокруг взметались к небу столбы огня. В результате боевых действий сначала загорелись сухие кустарники, потом деревья. От дыма слезились глаза, и он почти не видел вражеских стрелков.

Чарльз Мэйн пригнулся к шее Бедового, взмахнул соломенной шляпой и громко крикнул:

— Эй! Э-ге-гей!

Впереди двадцать великолепных кавалерийских скакунов с летящими гривами в панике металась то в одну сторону, то в другую, пытаясь спастись от жары и пугающих алых вспышек.

— Не давай им свернуть! — крикнул Чарльз Эбу Вулнеру, скрытому за стеной густого черного дыма.

Затрещали винтовочные выстрелы. Смутная фигура слева от Чарльза упала из седла.

Смогут ли они прорваться? Они просто обязаны, ведь армия так отчаянно нуждалась в этих украденных лошадях.

Из-за поваленного дерева выпрыгнул коренастый сержант в синей форме Союза и, прицелившись из ружья, пустил пулю в голову кобылы, скакавшей впереди табуна. Та громко закричала от боли и рухнула на землю. Гнедой, бежавший следом, споткнулся и тоже упал. Чарльз слышал, как треснула его кость, когда скакал мимо. Закопченное лицо сержанта расплылось в улыбке.

Жар обжег лицо Чарльза. Дым почти ослепил его. Он уже совсем не видел Эба и других солдат из их отряда, и только необходимость доставить лошадей генералу Хэмптону толкала его вперед через этот ад, где солнечный свет смешивался с огнем.

От нехватки воздуха сильно заболели легкие. Вдруг ему показалось, что в конце горящего леса виднеется просвет. Он прищиприл коня, и Бедовый храбро бросился вперед.

— Эб, скачи прямо! Ты видишь?

В ответ он услышал лишь новые выстрелы и крики, топот копыт и человеческих ног по горячей сухой листве, устилавшей землю. Чарльз поглубже натянул шляпу, выхватил свой армейский кольт сорок четвертого калибра и взвел курок. Неожиданно прямо перед ним из дыма выскочили трое солдат в синих мундирах со штыками наперевес и сразу бросились к табуну. Один из них замахнулся и вонзил штык в живот пегой лошади. Кровь, хлынувшая из раны, брызнула на Чарльза. Пегая с предсмертным ржанием упала на землю.

Такая чудовищная жестокость к животному разъярила Чарльза, он выпустил одну за другой две пули, но Бедовый как раз преодолевал какую-то высокую кочку, и надежды попасть в цель почти не было. Окруженные скачущим мимо табунном, трое солдат Союза прицелились. Одна пуля вонзилась Бедовому прямо промеж глаз, и Чарльз почувствовал его кровь на своем лице. Он закричал как безумный, а уже в следующую секунду, когда передние ноги Бедового подогнулись, вылетел из седла головой вперед.

Ударившись оземь, он тут же оперся коленями и ладонями, еще плохо соображая, что происходит. Другой северянин, стоявший над ним с ухмылкой на лице, замахнулся штыком. Чарльзу показалось, что оранжевый свет стал слишком ярким, а жар — таким нестерпимо сильным, что он чувствовал его кожей. Солдат шагнул мимо умирающего Бедового и вонзил штык в живот Чарльза, распоров его от пупка до грудины.

Второй солдат приставил винтовку к его голове. Чарльз услышал грохот выстрела, почувствовал удар, а потом лес вокруг погрузился в темноту.

— Мистер Чарльз...

— Вперед, Эб! Там единственный выход...

— Мистер Чарльз! Сэр, проснитесь!

Чарльз открыл глаза и увидел женский силуэт, окутанный темно-красным светом. Он жадно глотнул ртом воздух. Красный свет. Лес все еще горит...

Нет. Свет исходил от красных абажуров на газовых светильниках в гостиной. Не было никакого огня, никакого жара.

— Августа? — пробормотал он еще в полузабытьи.

— О нет, сэр, — печально ответила женщина. — Это Морин, сэр. Вы так кричали. Я уж подумала, не припадок ли у вас.

Чарльз сел и отвел со вспотевшего лба темные кудри. Он давно не стригся, и волосы волной падали на воротник выцветшей

голубой рубашки. Хотя ему минуло всего двадцать девять, его былая привлекательность порядком увяла из-за пережитых бед и лишений.

Напротив, в кресле гостиничного номера чикагского отеля «Гранд-Прери», он увидел свой ремень с кобурой. В кобуре лежал кольт 1848 года с выгравированной на нем сценой схватки индейцев с драгунами. На спинке того же кресла висело его цыганское пончо, которое он сам сшил во время войны для тепла из лоскутов, вырезанных из серых форменных брюк, синих мундиров северян, шерстяных одеял в желто-красную клетку и кусочков меха. Да, война...

— Дурной сон, — сказал он. — Я разбудил Гуса?

— Нет, сэр. Ваш сыночек спокойно спит. Мне жаль, что вам приснился кошмар.

— Мне следовало сообразить, что это всего лишь сон. Там был Эб Вулнер. И мой конь Бедовый. Они оба давно мертвы. — Чарльз потерял глаза. — Все в порядке, Морин. Спасибо вам.

— Да, сэр, — с сомнением в голосе ответила она и тихо вышла из комнаты.

В порядке? Так ли это? — подумал Чарльз. Будет ли он вообще когда-нибудь в порядке? В этой войне он потерял все, потому что потерял Августу Барклай. Она умерла, давая жизнь его сыну, о котором он узнал только после ее смерти.

Сон все еще не отпускал его. Он по-прежнему видел горящий лес, ощущал запах гари, как и тогда, в пылающем Уайлдернесе, чувствовал жар, от которого закипала кровь. Этот сон как нельзя лучше отражал его настроение. Измученный и словно выжженный изнутри, он и в часы бодрствования снова и снова задавал себе два вопроса: где ему наконец обрести душевный покой и где найти такое место, в котором нет войны? Ответ на оба вопроса был один: «Нигде».

Он снова отвел со лба волосы, поплелся к буфету и плеснул в стакан виски. Из углового окна гостиной виднелись крыши домов на Рэндольф-стрит, окрашенные красноватым светом заката. Не успел он сделать последний глоток, пытаясь избавиться от навязчивых видений, как появился дядя Августы, бригадный генерал Джек Дункан.

— Чарли, у меня плохие новости, — сообщил он с порога.

Бrevet-генерал Дункан, полноватый, румяный крепьш с волнистыми седыми волосами, был совершенно неотразим в полной

парадной форме — длиннополом мундире с саблей на боку и ярким поясным шарфом. Черную шляпу с шелковой кокардой он держал под мышкой. Фактически на своей новой службе в штабе Миссисипского военного округа, расквартированного в Чикаго, Дункан имел чин капитана. Большинство временных званий, присвоенных в федеральной армии в военное время, было отменено, однако Дункан, как и остальные, получил право, чтобы к нему обращались как прежде. Он все так же носил на эполетах серебряную звезду бригадного генерала, хотя и сетовал на путаницу в рангах, знаках различия и форме, которая возникла в послевоенной армии.

В ожидании дальнейших объяснений Чарльз заново раскурил окурок сигары. Дункан отложил в сторону шляпу и налил себе выпить.

— Чарли, я все утро провел в штабе округа. Вместо Джона Поупа командующим назначен Билли Шерман.

— Это и есть ваша плохая новость?

Дункан покачал головой:

— У нас по-прежнему почти миллион под ружьем, но дай Бог, если в следующем году к этому времени останется тысяч двадцать пять. В рамках такого сокращения добровольческие пехотные полки с Первого по Шестой будут распущены.

— Все «оцинкованные янки»?

Так называли пленных конфедератов, которым во время войны разрешили служить в армии Союза вместо тюремного заключения.

— До единого. Свою задачу они выполнили. Не дали сиу перерезать поселенцев в Миннесоте, восстановили телеграфные линии, уничтоженные партизанами, защищали форты, охраняли почтовые дилижансы. Но теперь все кончено.

Чарльз подошел к окну:

— Черт побери, Джек! Я ведь ехал сюда именно для того, чтобы вступить в один из этих полков.

— Знаю. Но двери захлопнулись.

Когда Чарльз повернулся, у него было такое несчастное лицо, что Дункан даже растрогался. Этот южнокаролинец, который сделал ребенка его племяннице, был хорошим человеком, но, как и многие другие, провоевав полных четыре года, стал жертвой послевоенной неразберихи.

Джейкс Дж.

Д 40 Рай и ад. Великая сага. Книга 3 : роман / Джон Джейкс ; пер. с англ. Т. Голубевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 816 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-14256-5

Соединенные Штаты Америки. 1860-е годы. Гражданская война закончилась, но угли старой ненависти продолжают тлеть в сердце нации. Однако Хазарды с Севера и Мэйны с Юга пытаются сохранить давние дружеские и семейные узы. «Рай и ад» — мощное завершение великой саги «Север и Юг», которая наполнена живым драматизмом, страстью и действием. Эта трилогия — одно из величайших эпических произведений нашего времени.

Как и ставший классикой роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», сага Джейкса о войне между Севером и Югом имела грандиозный успех и до сих пор числится в списке мировых бестселлеров.

В 1985 году Эй-би-си сняла по трилогии сериал, который имел огромный успех и до сих пор остается очень популярным. Главные роли исполнили Патрик Суэйзи («Грязные танцы», «Дом у дороги») и Джеймс Рид («Блондинка в законе», «Звездный путь: Вояджер», «Коломбо»). В сериале также снимались такие звезды, как Кирсти Элли, Дэвид Кэррадайн, Джин Келли, Роберт Митчем, Джин Симмонс, Оливия де Хэвиллэнд, Джеймс Стюарт и Элизабет Тэйлор.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОН ДЖЕЙКС
РАЙ И АД
ВЕЛИКАЯ САГА. КНИГА 3

Ответственный редактор Ольга Рейнгверц
Редактор Ольга Радько
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.09.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 51. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-АВВ-22476-01-Р